

Антоний (Храповицкий), архим. Слово на молебне перед началом учения 12 сентября 1893 г. // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 10. С. 111–118 (2-я пагин.).

С Л О В О

на молебнѣ предѣ началомъ ученія 12-го Сентября 1893 года.

«Обновленіе духа сердцама и просвѣщеніе внутреннимъ даруи». (Кондакъ Обновленія Храма, 13-го Сентября).

Такова, братія, молитва Вселенской Церкви, воспѣваемая въ завтрашній день, когда для нѣкоторыхъ изъ васъ возобновится, а для нѣкоторыхъ впервые начнется высшее богословское ученіе въ академическихъ аудиторіяхъ. Церковь въ сей день молится объ обновленіи нашей добродѣтели и духовнаго вѣдѣнія, исходя изъ того пеложнаго убѣжденія, что именно для этихъ двухъ высшихъ началъ нашей жизни, и притомъ только для нихъ, среди текучей измѣнчивости всего земнаго не должно быть дряхлости и тлѣнія, но постоянное обновленіе и жизнь. Для добродѣтели сія жизнь продолжается послѣ смерти на небѣ, ибо *любовь никогда не перестаетъ*, но продолжается и на землѣ въ ся благотворномъ вліяніи на ближнихъ, на подобіе ростковъ умершаго сѣмени пшеничнаго (Іоан. XII, 24), а также и въ общеніи взаимной молитвы предѣ Богомъ; *Богъ же нѣтъ мертвыхъ, но живыхъ, вси бо Тому живи суть* (Лук. XX, 38).— Не умираетъ и знаніе, ибо хотя *испражняется* (1 Кор. XIII, 8) въ будущей жизни, но передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, живетъ и обновляется здѣсь въ жизни церкви воинствующей.

Паглядное проявленіе этого постоянного обновленія любви и духовнаго вѣдѣнія представляетъ собою настоящая паща общая молитва, когда его посетельница и провозвѣстница, Духовная Академія, отнустивъ отъ себя на служеніе Церкви

усовершенствованныхъ въ ученіи юныхъ трудниковъ духовнаго просвѣщенія, какъ бы молодой рой пчелъ изъ улья, — и давъ время отдыха учащимся, снова созвала послѣднихъ воедино и кромѣ того открываетъ свои двери для вновь пришедшаго и соединившагося для упражненія въ вѣдѣніи и благочестіи братства юношей, нынѣ сливающегося со всей духовной семьей нашей. Конечно радостная картина, радостная смѣна духовнаго сѣянія и собиранія духовныхъ плодовъ. Но для всѣхъ ли вполнѣ безпечальная? Увы, только для самыхъ юныхъ; помнимъ и мы, съ какимъ безмятежнымъ восторгомъ вступали мы впервые въ священныя стѣны воспитавшей насъ Академіи: какъ яркіе цвѣты, насаженные вокругъ нея и красовавшіеся среди осенняго увяданія природы, такъ ликовали наши молодые сердца и горѣли радостью лица между озабоченными и часто угрюмыми встрѣчавшимися на пути горожанами.

Но вотъ дальнѣйшіе годы, обогащавшіе насъ печальными опытами сей плачевной жизни, все болѣе и болѣе понуждали омрачаться сію радость при видѣ смѣняющихся поколѣній учащагося юношества и наконецъ настолько срастворили ее съ грустными воспоминаніями о многихъ напрасно погибшихъ жизняхъ и безплодно извратившихся сердцахъ, что нынѣ даже тѣ самыя времена года и тѣ картины природы, съ которыми совпадаютъ начало и конецъ учебнаго года, вмѣстѣ съ робкою надеждою, производятъ чувство щемящей тоски. Тому содѣйствуетъ и самый видъ весенней и осенней природы, одновременно показывающей намъ и жизнь, и смерть. Когда повѣтъ весеннимъ тепломъ и яркіе лучи солнца начнутъ увеселять взоръ нашъ, то на ряду съ этимъ мы видимъ разрушительную смерть прекрасныхъ по виду глыбъ серебристаго снѣга и обшаженыя черныя вершины холмовъ съ гнѣющими остатками прошлогодней растительности и мутными потоками холодной и грязной воды. Приходитъ обильная плодами осень, но картина смерти и опустошенія снова отвлекаетъ взоръ нашъ отъ осеннихъ красотъ — созрѣвшихъ трудовъ земледѣльцевъ и садовниковъ. — Не должно бы быть этого печальнаго сочетанія въ жизни духа, въ жизни Духовной Академіи, но постоянное обновленіе сердець должно бы въ ней совершиться безъ всякаго омраченія смерти. Тѣмъ не менѣе мы видимъ другое; ви-

димъ во многихъ и очень многихъ, сколь кратковременны оказываются тѣ благія памѣренія и добрыя стремленія, съ которыми они вошли сюда и вышли отсюда. Не тверда и неустойчива оказалась ихъ любовь, погасла жизнь духа, а потому и разумѣніе поблекло, творчество мысли осталовилось, ибо оно невозможно безъ одушевленія нравственнаго, безъ живаго сочувствія добру, безъ сострадательной скорби о міровомъ злѣ.—Итакъ, далеко не всѣ, чтобы не сказать не многіе, обновляются духомъ, и торжествуютъ надъ измѣнчивостью своего земнаго положенія. Какой же выводъ, возлюбленные, изъ указаннаго явленія? О чемъ проповѣдуетъ оно, хотя безмолвно, но столь убѣдительно? Говоришь ли вамъ паки и паки о необходимости духовнаго бдѣнія надъ собою, о молитвѣ, о чтеніи Слова Божія и Отцевъ, о господствованіи надъ порывами страстей и всякаго раздраженія, какъ о необходимыхъ условіяхъ къ плодотворной дѣятельности пастырства, воспитанія и всякаго вида чловѣколюбія, включая сюда и сознательное изученіе и разъясненіе другимъ истинъ вѣры и знанія?

Блаженъ, кто отъ юности повесъ спасительный яремъ духовной жизни, у кого не столько во внѣ, сколько во внутрь обращенъ духовный взоръ его. Для него сей день новой годовины ученія есть день не скорби, но радости, день духовнаго обновленія, не упраздняющій и прежде собранныхъ сокровищъ духа и знанія, такъ что къ нему вполне примѣняются слова Христовы о томъ, что *„всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ хранилищу, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое“* (Матв. XIII, 52).—Но кто по собственному опыту не оцѣнилъ сей истины, для того малоубѣдительными представляются увѣщанія, столь неотразимыя для болѣе пожившихъ на сей грѣшной землѣ и въ собственныхъ отступленіяхъ или паденіяхъ познавшихъ немощъ естества чловѣческаго, даже въ наиболѣе возвышенныхъ и облагороженныхъ его проявленіяхъ, если они не утверждены и не освящены подвигомъ духовной борьбы и молитвой. — Но если значеніе сей истины само по себѣ не всегда оказывается удобопріемлемымъ для юношества, которое рвется умомъ и сердцемъ во внѣшній, но видимому столь оболѣстительный, міръ, то въ наше время тому же самому научаетъ насъ и наблю-

деніе надъ этимъ внѣшнимъ міромъ, въ самыхъ новѣйшихъ, въ самыхъ современныхъ явленіяхъ его жизни въ послѣднихъ словахъ его мысли. Не во имя ложнаго знанія и науки отдѣляется нынѣ міръ отъ Церкви; смиреніе и воздержаніе перестали быть предметомъ его глумленія, а, напротивъ, признаются въ качествѣ наиболѣе дѣйственныхъ средствъ къ достиженію донынѣ міромъ отвергавшагося, а нынѣ признаваемаго за единую достойную цѣль жизни — нравственнаго совершенства личности и общества. Правда, въ воззрѣніи и стремленіи эти, повидимому столь сродныя Церкви, а на самомъ дѣлѣ ей весьма враждебныя, входитъ не мало скрытой лжи и обольщенія, но можемъ ли, братіе, равнодушно взирать на то, что великое множество людей искреннихъ и простодушныхъ изъ общества народа которое проникаясь этимъ краснорѣчивымъ и увлекательнымъ лжеученіемъ, отторгается отъ истинной вѣры и Церкви, какъ бы отъ началъ, чуждыхъ настоящей добродѣтели? Грустно было слышать, когда прежде нашу вѣру называли повѣжествомъ, а церковность невоспитанностью, но все-жъ далеко не такъ больно, какъ то, что у Православія хотять отрицать его святость, у Церкви — нравственно возрождающую силу ея руководства. Правда, дѣйствительность скоро обличаетъ нравственное безсиліе самовольныхъ толкователей евангельскихъ заповѣдей, слѣпыхъ руководителей къ повѣдомому имъ совершенству. Лишь только приступили они къ дѣйтельному руководству другихъ къ добродѣтели, то оказалось, что они не пошли далѣе проведенія двухъ трехъ, давнымъ давно извѣданныхъ еще языческими мыслителями правилъ воздержанія и трудолюбія, но вовсе не оказались способными научить своихъ послѣдователей достойному отношенію къ разнымъ сторонамъ жизни: оградить ихъ отъ мучительства плоти, отъ раздраженія и взаимной ненависти, примирить со смертію близкихъ и своею собственною, охранить отъ гордости и унынія и согрѣть сердца ихъ любовію къ ближнимъ, дабы она была не на словахъ только и не въ холодныхъ дѣлахъ долга, но въ тепломъ чувствѣ, сродняющемъ людей въ одно братство. Неудивительно поэтому, что создаваемые ими общества труда и воздержанія распадаются въ два три года и исполненные взаимной вражды, когда то столь пламенные и самоотверженные, члены этихъ обществъ

оправдываютъ собою слова Христовы о томъ, что *всякое растеніе, которое не Отецъ Мой Небесный насадилъ, искоренится* (Мѡ. XV, 13).

Но тѣмъ не менѣе на насъ, на насъ, братіе, ляжетъ отвѣтъ за тѣ уловенныя лжецами души, которыя проявили столько готовности лишаться, трудиться и нести скорби для ложно проповѣданнаго имъ спасенія, что еслибъ имъ было благовременно раскрыто истинное спасеніе, они можеть быть оказались въ числѣ лучшихъ людей, въ числѣ достойнѣйшихъ сыновъ Церкви, на подобіе прежняго гонителя, ставшаго первоверховнымъ Апостоломъ Господа. А теперь смотрите, сколько словесныхъ овецъ Христова стада разсѣялись по горамъ и добрямъ заблужденій (Иезек. 34, 5—7), и—о горестное ослѣпленіе—предпочитають въ исканіи совершенства минутныя затѣи изолтавшихся празднослововъ вѣчному живительному пути и всеисцѣляющему врачеству Церкви! Конечно, причина тому не оскудѣніе жизни въ самой Церкви, ибо оно невозможно по слову Божественнаго ея Зиждителя (Мѡ. XVI, 18), но священное и возрождающее содержаніе жизни церковной остается вдали отъ взорвъ увлекаемаго ложью общества; хранись въ обычаяхъ благочестивыхъ приходовъ и семействъ, оно требуетъ теперь того, чтобы люди, одаренные вѣдѣніемъ, раскрывали его въ опредѣленныхъ и ясно выраженныхъ понятіяхъ, доступныхъ пытливымъ умамъ современности, показали бы неразрывную и ничѣмъ не замѣнимую связь церковности и совершенствованія въ добродѣтели, пользуясь для сего жизненнымъ проникновеніемъ во внутренней смыслъ Божественныхъ Писаній и Твореній Отческихъ, изучая въ Исторіи Церкви и народовъ постоянную борьбу христіанства съ духомъ міра, изслѣдуя чрезъ изученіе богослуженія нашего истинный путь духовнаго возношенія чловѣка къ Богу и совершенству, и наконецъ построая правильные законы познанія и мысли чрезъ изученіе наукъ философскихъ. Не ясно ли теперь, что даже для теоретической борьбы съ современными заблужденіями, требующей раскрытія правдивнаго содержанія нашей вѣры и Церкви, необходимо и для самого изучающаго тѣснѣйшее сродство съ подвигомъ христіанской жизни, дабы не быть по отношенію къ богословскимъ наукамъ въ положеніи слѣнца, желающаго изучать

живопись, или глухаго, силащагося усвоить музыкальнѣя познанія.—Научно богословскій трудъ, не сопровождавшійся соответственнымъ настроеніемъ изучавшаго и писавшаго, является для вѣхъ и не глубокимъ и не убѣдительнымъ и ужъ вовсе безсильнымъ для нравственнаго воздѣйствія на душу читателя или слушателя. Въ этомъ раскрывается смыслъ изреченія апостольскаго: *проповѣдь моя не въ прерывательныхъ чловѣческихъ премудрости словесехъ, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. II, 4). Дѣйственность нравственнаго вліянія даруется Богомъ, сообразно съ нравственнымъ содержаніемъ учителя независимо отъ его внѣшнихъ качествъ, какъ удѣльный вѣсъ различныхъ тѣлъ измѣняется ихъ массою независимо отъ величины и внѣшняго вида.

Пудъ песку вѣснть столько же, сколько пудъ золота, не больше и не меньше: подобно этому, если ты не стяжалъ себѣ должнаго количества любви и вѣры, то ни разнообразіе познаній, ни образованность, ни краснорѣчіе не покоряютъ сердце твоихъ слушателей; на твою долю достанутся быть можетъ похвалы, извѣстность и внѣшнія отличія, но *приобрѣсти брата* (Мо. 18, 15) ты не будешь въ силахъ.

Но если такъ, спросишь ты: то можетъ быть не нужна и наука? Нѣтъ, мы видимъ, что именно въ научномъ освѣщеніи нравственнаго содержанія вѣры нуждаются заблудшіе братья; наука и особенно наука духовная, если изучается на ряду съ духовнымъ совершенствованіемъ, облегчаетъ чловѣку сіе послѣднее: ненарасно говорилъ Господь апостоламъ: *уже вы чисти есте за слово, еже глаголахъ вамъ* (Іоан. XV, 3), и некишный подвижникъ путемъ многолѣтнихъ подвиговъ поста и бдѣнія освоюется съ какой либо истинной вѣры, которую другой уразрѣваетъ чрезъ благоговѣйное изученіе отеческихъ писаній въ одно лѣто.

Итакъ да будетъ благословенна наука, образованность или знаніе жизни и краснорѣчіе! Пусть процвѣтаетъ и славится домъ сей, въ которомъ эти три средства духовной милости нашли себѣ столь долговременный пріютъ, но да не отдѣляются они отъ молитвы, послушанія, братолюбія и трезвеннаго цѣломудрія, безъ коихъ для нихъ нѣтъ ни произрастанія, ни жизни. Пусть процвѣтаетъ у насъ ученость, но пусть яркимъ пламенемъ горитъ и исполненная состра-

дательной любви ревность объ общемъ спасеніи, пусть не предается забвенію печаль объ отпадшихъ и колеблющихся, пусть подавляется всякій порывъ недружелюбія, неуступчиваго самомиѣнія и зависти, дабы общеніе наше другъ съ другомъ служило не къ расхищенію духовныхъ сокровищъ, но ко взаимному созиданію по слову Апостола: *другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ* (Галат. 6, 2), и еще: *„кѣждо же всѣхъ ближнему до угождаетъ во благое къ созиданію“* (Рим. 15, 2).

Послужить ли всѣмъ этимъ великимъ обязанностямъ нашимъ вновь наступившая учебная година или, напротивъ, еще далѣе отодвинуть насъ наше небреженіе и грѣхи отъ предустановленнаго Господомъ назначенія. То знаетъ Опъ, Владыка время, у Котораго въ книгѣ записаны всѣ наши грядущія движенія и мысли (Ис. 138, 16), но мы въ умиленной молитвѣ вознесемъ сердца наши къ Богу о дарованіи „добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ“ дабы „прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати“. Какъ бы ни слабы были наши нравственныя силы, но если мы съ вѣрою просимъ этихъ и другихъ даровъ у Господа, то конечно не оставитъ насъ безъ плода Тотъ, Кто гору обѣщавъ сдвинуть по исполненной вѣры молитвѣ: велики житейскіе соблазны, но сильнѣе Божественная благодать.

При размысленіи о борьбѣ этихъ неравныхъ силъ въ жизни нашей духовной семьи, -- вспоминается одно повѣствованіе, правда, мірекаго писателя, но исполненное высокаго состраданія къ людямъ. Одно дитя узнало отъ матери о заповѣдной роцѣ въ ихъ селѣ, въ которой условлено было не ловить пѣвчихъ птицъ для того, чтобы онѣ безпрепятственно увеселяли жителей; и вотъ дитя спрашиваетъ, пѣтели для людей такихъ безопасныхъ пріютовъ? Мать отвѣчаетъ отрицательно и прибавляетъ, что если бы были для людей такія роци, свободныя отъ податей и рекрутчины, то всѣ крестьянки поспѣшили бы принести туда дѣтей своихъ.

Не о податяхъ вещественныхъ думаемъ мы, братіе, но о той горестной дани страстямъ и облѣненію духовному, о той постыдной для созданія Божія рабской службѣ діаволу, отъ которыхъ не ограждены почти нигдѣ бѣдные сыны Адама. Но чѣмъ горестнѣе это сравненіе, тѣмъ теплѣе и неустан-

иѣе да будетъ молитва о томъ, что бы не ради нашихъ достоинствъ, но ради блага Церкви Божіей, благодать Господня содѣлала нашу Академію такимъ оплотомъ противъ искушеній житейскихъ такою твердыней противъ нападеній невидимыхъ враговъ, чтобы и живущіе въ ней благополучно совершали духовное восхожденіе отъ силы въ силу, и даже учившіеся въ ней прежде и обуреваемые нынѣ тревоженіями житейскими, оглядываясь на свою духовную мать, при видѣ ея плодотворной жизни и дѣятельности почерпали себѣ бодрость и стойкость въ добрѣ и истинѣ. Аминь.

Архимандритъ Антоній.
